

*Л.Д.Гудков,
кандидат философских наук, ВЦИОМ*

**Русское национальное сознание: потенциал
и типы консолидации**

Последние события (я имею в виду успех на выборах радикальной национал-популистской партии Жириновского) показывают крайнюю важность, более того, практическую необходимость изучения русского национального сознания — его структуры, динамики, сте-

пени консолидированности. Необходим своего рода мониторинг, который бы отслеживал ранние фазы и перспективу развития русского национализма, типы его носителей. В нашем распоряжении есть исследования ВЦИОМа, ведущиеся с середины 1989 г. и содержащие характеристики этнических установок, уровня массовой ксенофобии, некоторых особенностей национального сознания русских, а также данные о динамике различных сантиментов, связанных с национальной проблематикой.

Если очень кратко характеризовать русский национализм, то я бы сказал (пользуясь различием Г.Кона), что это "открытый национализм". В отличие от "закрытого" (консолидации, основанной на представлениях об аскриптивной общности происхождения, часто биологически, т.е. генетически или расово подчеркнутой, а также общности судьбы, истории, языка, культуры, локальности территории заселения), "открытый национализм" предполагает интегрированность людей вокруг общности социально-политических форм при относительной слабости единства культуры, культурных символов, языка или веры в общее происхождение. "Нация" здесь будет мыслиться как социально-государственная система политических институтов. Разумеется, это еще ничего не говорит о степени демократичности данной системы, поскольку она может включать достаточно разные режимы (например, США и СССР). Однако в данном случае я хотел бы подчеркнуть некоторые общие черты: тенденцию к надэтническому образованию и соответствующие структуры национальной идентичности.

Действительно, при анализе глубины исторического самосознания русских и особенностей их символического героического пантеона, и даже в самоописаниях и этностереотипах у русских доминирует одна тема — идентификация с властью, властными структурами. Распад СССР и последующие процессы дезинтеграции вызвали сильнейший кризис русского самосознания. Оказались смазанными (возможно, на время) существовавшие ранее барьеры — границы, территориально-политические символы, расстановка основных фигур и ролей внутри этого пространства, правила и нормы социального взаимодействия (например, характер господства, в том числе и языкового или культурного). Подверглись эрозии или разрушились прежние факторы национальной консолидации — такие, как представления о врагах. Скажем, такой важнейший фактор советской национальной консолидации, как военная угроза со стороны стран Запада, представление о США, Германии, Японии и др. как о потенциальных противниках сегодня практически исчез — его разделяют лишь около 13% опрошенных в России, главным образом люди пожилые или малообразованные, провинциалы в любом из значений этого слова.

Кризис идентификации вызвал состояние сильнейшей депрессии, фрустрации, астении и т.п. комплексы негативных психологических состояний. Речь идет, разумеется, о коллективных представлениях, а не о самочувствии людей в их частной повседневной жизни (где ха-

рактер эмоций может быть самым разным в зависимости от событий в жизни, возраста, удач или семейных отношений). Я имею в виду разрушение верхнего слоя коллективной лояльности — осознания себя в качестве "государственных жителей", подданных сверхдержавы, патерналистской власти. Нарастающий внутренний кризис идентификации сопровождался чувством исторического поражения и тупика, мазохистским переживанием своей ущербности и нецивилизованности, отброшенности от современности, своей "ненормальности", "дефектности". Показатели депрессивно-астенических состояний у русских были самыми высокими в сравнении с другими национальными группами, а позитивные эмоции и настроения характерны лишь для сравнительно небольшой части общества (менее 20%). (См. рис. 1 и 2. Динамика социальных эмоций за 1990—1993 г. Данные получены в массовых опросах "Новый год: итоги года, 1991—1992" и "Факт 1993—12".)

В России об усилении национального самосознания, национальной консолидации можно говорить лишь с большой натяжкой — кривая роста за 1990—1993 гг. поднимается всего на несколько пунктов. Для сравнения — наибольший рост этот показатель дал у узбеков (на 90 пунктов), киргизов (на 82 пункта), таджиков (на 75 пунктов).

Пик национальной консолидации русских (как и других этнических групп в СССР) приходится на 1991 г. — год распада советской империи, или великой державы. Такие чувства, которые образуют психологическую основу консолидации — уверенность в себе и в завтрашнем дне, чувство свободы или освобождения от лжи, гордость за свой народ, ответственность за происходящее в стране — у русских находятся на самом низком уровне среди всех народов СССР (выборка репрезентативная, но мы приводим данные только по пяти национальным группам). Напротив, динамика фрустрации (а это доминирующий тон в самоощущении русских, часто указывающих на рост агрессии у окружающих людей, отчаяния, безнадёжности) точно повторяет кривую консолидации, но только в обратном порядке — самые низкие значения (как и астении) приходится здесь опять-таки на 1991 г. Чем выше уровень консолидации, тем ниже фрустрационный комплекс. То же самое можно сказать и об астенических состояниях (сюда входят ответы людей, указавших, что у окружающих усилились чувства усталости, беспомощности, одиночества, растерянности). Иначе говоря, финальные моменты существования СССР окрасились в тона политического бессилия, сознания невозможности что-либо сделать, обиды, растерянности перед будущим и ощущения собственной недееспособности. При всей распространенности подобных эмоциональных состояний все же есть некоторая дифференциация их по группам и социальным категориям — для пожилых малообразованных респондентов, жителей села и малых городов, причем чаще: для женщин — характерно скорее соединение одиночества, страха, обиды и растерянности, для мужчин — астенические проявления и аффекты (усталости, безразличия), а также

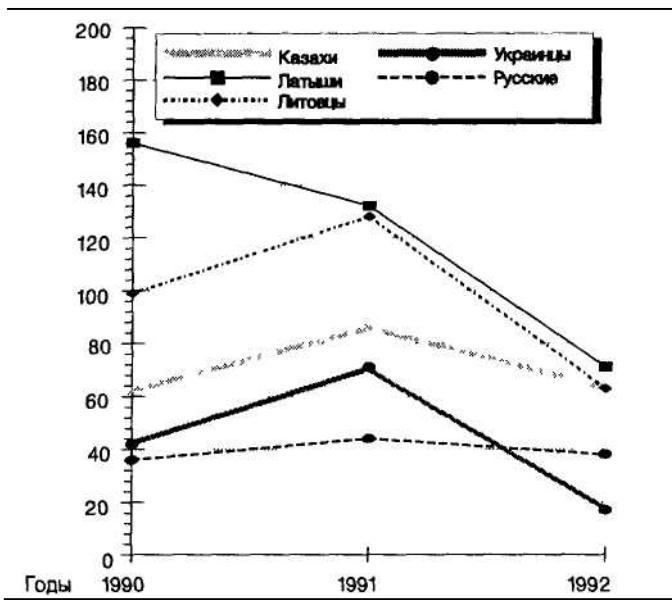

Рис. 1. Динамика индексов консолидации в различных этнических группах

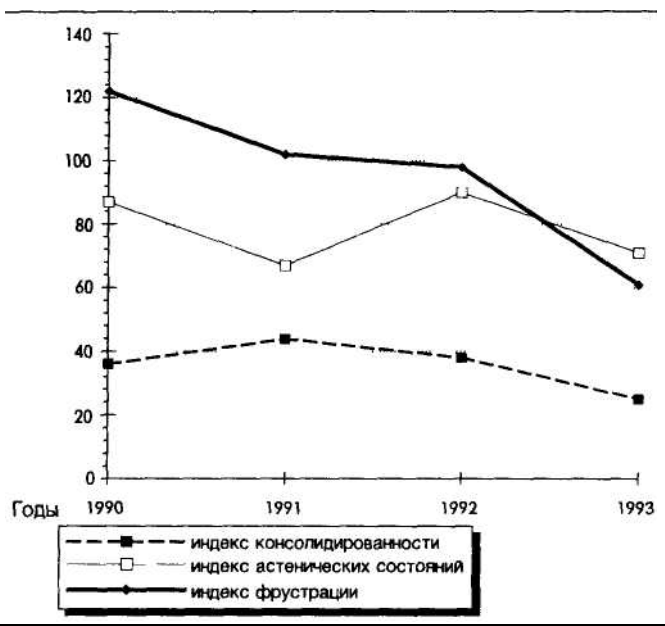

Рис. 2. Динамика социальных чувств в России

подчеркивание агрессивности окружающих. Астенией "больны" группы, характеризующиеся более высоким образовательным потенциалом и политически более информированные, среди них преобладают жители крупных городов.

Кризис не разрешился появлением новых образцов идентификации, новых национальных программ и идеологий. Более того, он практически упразднил и идею русского национального государства или, если быть более корректным, отодвинул ее в неопределенное будущее. Понимание необходимости реформ и консервация прежних символов национальной идентичности, прежнего самопонимания русских оказались в саморазрушающем и взаимно парализующем противоречии.

Затянувшееся начало реформ подорвало доверие к новому руководству России, его способности обеспечить ожидаемое повышение уровня жизни. В свою очередь, это девальвировало цели политического развития целого, что привело к эрозии сознания национальной общности. Разотождествление россиян с СССР (если в 1991 г. гражданами СССР считали себя 78 % опрошенных, то в 1993 г. — лишь 20 %) не привело, однако, к их идентификации в качестве граждан новой России: таковыми считают себя лишь 41 % опрошенных. Иначе говоря, снижение надежд на руководство государства или лидеров ведущих партийных группировок имело следствием ослабление национального мобилизационного потенциала, кризис системы коммуникаций, обеспечивавших консолидацию массы (тиражи центральных массовых изданий, как поддерживающих курс реформ, так и их оппонентов, упали в 10 и более раз).

Но наибольшее политическое значение имело разочарование в "демократах". Политический и управленческий дилетантизм, осложненный быстрым разложением интеллигенции, оказавшейся неспособной к рационализации ситуации и профессиональной работе в условиях социального слома и перехода, утратившей основные социальные и политические критерии оценки, усугубили состояние массовой дезориентации и неуверенности. (Попутно отмечу, что одной из причин этого были первоначально сверхвысокие ожидания от власти — патерналистский комплекс у интеллигенции был выражен, может быть, в наибольшей степени. Соответственно и неизбежное разочарование в том, что эта власть "не своя", что она "чужая", а стало быть "мы не советники царям", усилило общую дезориентированность и недееспособность интеллигенции, первоначально игравшей очень большую роль в процессах политической мобилизации 1988—1990 гг.)

Проиллюстрирую эти обстоятельства кризиса доверия на отношении населения к различным институтам. (Индекс представляет собой соотношение "доверяющих" и "недоверяющих" тому или иному институту, данные лета 1993 г., которые на протяжении нескольких месяцев практически не менялись): церковь — 2,7 ; армия — 1,7 (с марта 1992 г. индекс доверия вырос в 1,5 раза); СМК — 0,76 (упал в

1,5—2 раза); президент и его окружение — 0,73; директора государственных предприятий — 0,57; правительство — 0,51; местная исполнительная власть — 0,41; милиция и правоохранительные органы — 0,38 (с мая 1990 г. упал в 1,5—2 раза); профсоюзы — 0,37; городские советы — 0,32; частный бизнес, предприниматели — 0,28; иностранный бизнес — 0,23; Верховный Совет РФ — 0,18; политические партии — 0,10.

Таким образом, только два института — церковь и армия сохраняют сравнительно высокий уровень доверия населения. Причем армия — единственный институт, по отношению к которому оно с мая 1992 г. усиливается (после некоторых колебаний, связанных с падением его престижа из-за афганского синдрома, дедовщины, участия в тбилисских и вильнюсских побоищах). Вряд ли надо специально подчеркивать особое значение армии как мужского символического комплекса для национальной идентификации и готовности к политической консолидации. Напротив, собственно политические структуры, в первую очередь партии и Верховный Совет, не пользуются доверием общества.

Вместе с тем нельзя сказать, что прежние матрицы — патерналистская властная ось, персонификация авторитета и др. — исчезают. Они меняют знак и содержание, но сами структуры идентичности остаются. Остаются значимыми прежние ожидания: государственно-уравнительное регулирование цен, доходов, снятие дифференциации в потреблении и образах жизни, требование "наведения" порядка и обеспечения минимума потребительских и социальных благ, являющиеся потенциалом сопротивления реформам. В результате общей дезориентированности (на что существенно повлияли процессы разложения интеллигенции и дискредитации власти), роста неуверенности, невозможности адаптироваться (особенно там, где и так невелики социальные возможности смены занятий, приложения сил и проч. — в малых и средних городах, отличающихся наиболее низким уровнем жизни, обостренным экономическим, социальным кризисом) в некоторых группах резко усиливается потребность в упрощении интерпретации происходящего. Причем зоны этих настроений, размеры подобной среды быстро увеличиваются. Респонденты подобного типа настаивают на том, что лидеры мнений или СМК придают избыточную сложность происходящего: "не надо усложнять, в жизни все проще" (так считали почти половина опрошенных по российской выборке летом 1993 г., а несогласных с этим мнением было менее трети). Отсюда возникает тяга к "сильному лидеру, принимающему решения, которые были бы обязательны для всех" (ее разделяет практически каждый второй из респондентов, причем потенциал сопротивления авторитету такого типа обнаруживается лишь у тех же 30%, не склонных упрощать характер происходящего в стране). Но для нас в данном случае интересны именно настроения массы, т.е. тех людей, по мнению которых, "от того, что говорят простые люди, мало что зависит"; "такие люди, как они, не оказывают

существенного влияния на происходящее, не имеет смысла участвовать в политической деятельности, поскольку все решения принимаются политиками, а не простыми людьми" (так полагали примерно $\frac{2}{3}$ опрошенных, несогласных же с подобным суждением было всего 13-14%).

Подобные реакции характерны для ситуации спада политической мобилизации. Во-первых, можно говорить о последовательном падении интереса к политической сфере. Доли ответов "не разбираюсь или не интересуюсь политикой" и "затрудняюсь ответить" за четыре года выросли в 2—2,5 раза (соответственно 12, 32, 28 и 30%). В отношении будущего государственного устройства России уровень индифферентности респондентов (или их некомпетентности, что в определенном смысле одно и то же) был еще выше: в 1990—1991 гг., на пике консолидированности, он составлял 46%; в 1992 г. — уже 53%. Во-вторых, при всех колебаниях шло медленное и устойчивое сужение базы пассивной готовности к национальной мобилизации ("политика меня не интересует, но в случае необходимости всегда готов выступить на защиту своего народа") — с 39% до 27% за это же время.

В-третьих, фиксируются снижение претензий к ограничению доступа к политическому участию, отказ от надежд на более полное представительство своих интересов в структурах принятия политических решений (т.е. именно те моменты политического поведения, которое характеризовали усиление демократии) с 38 до 18—21%. Чрезвычайно характерно, что одновременно упало почти до нуля ощущение новых возможностей участия в политической жизни, эйфорически переживавшееся в 1989—1990 гг. (с 13 до 1%).

Такая высокая доля некомпетентных или индифферентных граждан не является выражением стабильности политической системы и равнодушия к сфере политического, характерных для западной демократии. Неучастие в политической борьбе значительной части общества было, во-первых, важнейшим элементом политической культуры тоталитаризма. Во-вторых, оно следует из самой неопределенности общих политических контуров коллективной жизни, стертости и словесной близости программ разных политических партий и движений (все выступают за рынок, порядок, демократию, национальные интересы России). И наконец, в-третьих, оно является результатом падения доверия и поддержки, раздражения или даже агрессии в отношении действующих политиков и их программ, никак не отражающих интересы массы населения. Собственно националистические партии или их блоки (такие, как ФНС, Национально-республиканская партия России, "Русский собор" и др.) привлекают в целом не более 3—5% населения, а вместе с национал-коммунистами — около 8—12%. Однако если учесть привычную дисциплинированность старшего поколения, сельского населения и жителей малых городов, то потенциальная среда их признания будет значительно шире — до 20%. Тем не менее влияние этих сил в обществе в целом весьма

ограничено, поскольку их поддержка строится на популистской эксплуатации страхов и фобий пассивной в социальном и политическом плане части населения. Неспособность этих партий и движений представить позитивную программу национального развития вызывает резко негативное отношение большей части общества, хотя, разумеется, определенная часть их деклараций встречается с известным сочувствием массой, в которой оживают рутинные ксенофобические предрассудки.

Кризис выбора сказывается также и в невозможности для значительной массы населения России и Украины решительной поддержки той или иной стороны в политическом процессе (прямо противоположная картина в тех республиках, где шло усиление национальной солидарности, — в Балтии или Казахстане). В России и, в особенности, на Украине, резкое падение поддержки руководства не привело к усилению политических конкурентов. За два последних года число деполитизированных, отказывающихся по самым разным причинам от политического участия в России увеличилось с 65 до 67%, на Украине — с 47 до 67%, в Латвии — с 48 до 62%, а в Литве и Казахстане, напротив, уменьшилось соответственно с 48 до 33 и с 51 до 48%.

Не вызвала особого доверия и перспектива новых выборов в законодательные органы России в декабре 1993 г. Лишь 29% горожан считали, что новые депутаты будут отражать интересы общества, напротив, 32% придерживались противоположного мнения ("Экспресс" 1993—21, №1597, ноябрь 1993). Примечательно, что наибольший скептицизм относительно нового парламента (45%) был высказан молодыми и образованными мужчинами, т.е. самой дееспособной частью общества.

Отстраненность от сферы политики ("политика не интересует" или "интересует мало") особенно быстро нарастала осенью 1993 г.: в сентябре так отвечали 52% опрошенных, в ноябре — уже 60%; соответственно уменьшалось число активных сторонников различных партий и политических движений (с 15 до 11%). Росли настроения отчуждения: "политических лидеров совершенно не заботит, что думают или хотят обычные люди" — 79% (не согласны с этим — 14%), увеличилась доля ответов "все равно за кого голосовать, от этого ничего не изменится" (согласны — 56, не согласны — 37%). Перед октябрьскими событиями подавляющее большинство опрошенных (51 %) отказывало в доверии и центральным, и местным властям (доверяли им лишь 19 и 16% соответственно).

Вместе с тем функция врага в структурах и механизмах национальной идентификации сохранила свое конститутивное значение (хотя роль противника, "чужого" играют новые персонажи). От внешнего оппонента внимание обратилось к внутренним — вначале к радикальным националистам в бывших союзных и автономных республиках, потом к самим республикам, а затем (в массовом варианте) к представителям этнических меньшинств в самой России. В 1989—1990 гг. список национальностей, вызывавших негативные уста-

новки, в массе отражал оценки сепаратистских и эмансипационных тенденций в Союзе (рассматриваемых отчасти и как фактор усиления межнациональной розни, грозящей захватить и прочие республики; таковым было, в частности, массовое отношение к армяно-азербайджанскому конфликту из-за Нагорного Карабаха и резне в Сумгаите и Баку). Иерархия негативных установок была тогда следующей: армяне (их назвали 23% опрошенных), литовцы (21%), азербайджанцы (19%), эстонцы (17%), латыши (16%), молдаване (10%) и т.п. Однако это недовольство или недоброжелательство не сопровождалось агрессией или одобрением силовой политики (51 % респондентов были категорически против подобных акций по самым разным резонам и причинам). Кроме того, существовал довольно значительный, позднее исчезнувший потенциал сопротивления навязыванию коллективной этнической ответственности (28% опрошенных были не согласны с самой постановкой такого рода вопросов).

Осенью 1993 г. индексы этнического негативизма (соотношение долей респондентов, "позитивно" и "негативно" относящихся к той или иной этнической группе) выглядели следующим образом: украинцы — 11,5; татары — 5,9; евреи — 4,0; эстонцы — 4,0; узбеки — 2,2; армяне — 1,1; азербайджанцы — 1,0; цыгане — 0,81; чеченцы — 0,73. Как видим, наиболее неприязненные установки преобладают в отношении "жителей Кавказа" и цыган. Помимо чисто культурного разрыва, значение которого усиливалось в последние годы в связи с ростом миграции этих этнических групп в города России, особенно в крупные, враждебность или недоброжелательство вызваны комплексом ущемленности и зависти к преуспевающим торговцам и предпринимателям. Демонстративно-потребительское поведение одних и собственная неспособность к изменению, к предприимчивости и активности в сочетании с коллективной фрустрацией других рождают в средних и низших слоях общества опасную смесь ксенофобии и агрессивного изоляционизма. На "инородцев" начинают проецироваться собственные недостатки и табуированные, вытесняемые желания и мотивы, им приписываются наиболее рутинные характеристики, позитивно оцениваемые русскими в собственной истории, — стремление к власти, к этнократии и проч. Так, около трети опрошенных убеждены в том, что в социальных бедствиях России повинны живущие в стране нерусские, или что люди нерусских национальностей пользуются в России чрезмерным влиянием (так считают уже 56% респондентов, а несогласных с этим суждением только 41%). Существенных различий в ответах людей из разных социально-демографических категорий нет. А это значит, что нет и моральных или культурных сдерживающих норм, носителем которых всегда считала себя интеллигенция. Призрак военной угрозы сменился устойчивым мотивом коллективно-невротической политической риторики — навязчивыми опасениями распродажи России.

В 1990 г. мнения в обществе на этот счет разделились почти поровну: "Согласны ли Вы с тем, что русским угрожает распродажа

национальных богатств зарубежным дельцам?" — "да" — 48%, "нет" — 49%. Причем максимум утвердительных ответов — примерно на треть больше средних показателей — пришелся на группы среднего начальства, ИТР и провинцию — сельских и малгородских жителей, а по возрастам — на молодежь до 25 лет и лиц старше 40 лет. В 1993 г. согласных с высказанным суждением было уже 74 % (не согласных — 25%). Хотя распределения в этом опросе имеют примерно те же характеристики, что и в 1990 г., среди тех, кто дал утвердительный ответ, заметно больше стало, с одной стороны, низкообразованных, служащих и пенсионеров, а с другой, — специалистов с высшим образованием. Увеличилась не только рутинная и социально-пассивная среда ксенофобии и ущемленного национального сознания, но подобные настроения социальных низов как бы были санкционированы авторитетом высокообразованных групп.

За последние два-три года (точнее, после начала спада национальной консолидированности) общие индексы ксенофобии увеличились в среднем в 1,5 раза. Можно утверждать, что в новом подъеме ксенофобии, имеющем уже не государственно-политический, а массовый и спонтанный характер, различия связаны скорее с отношением к реформам и политическим партиям, чем с иными индикаторами и признаками. Уровень ксенофобии и этнического превосходства у русских существенно различается в группах сторонников коммунистов или демократов. Так, хотя в среднем 53% опрошенных считают, что русские в России должны обладать большими правами, чем люди других национальностей (возражают против этого лишь 19% респондентов), среди собиравшихся голосовать на декабрьских выборах за тех или иных кандидатов сторонники этих точек зрения распределялись весьма неравномерно*.

Политический консерватизм, ксенофобия и сопротивление реформам тесно связаны друг с другом, хотя область ксенофобических реакций шире, чем можно было предполагать ранее. Сохранение старых или рутинных норм идентификации в нынешних условиях возможно лишь ценой существенного роста ксенофобии и этнического негативизма, враждебности к нерусским, живущим в России.

При остром кризисе власти (от 48 до 56% опрошенных в разных месяцах прошлого года полагали, что "дела зашли в тупик", что "нарастает хаос, анархия", "нет порядка"), дискредитации политического руководства в связи с неоправдавшимися надеждами на реформы (мы отвлекаемся от того, в какой степени оправданы и сообразны были эти надежды) можно было предполагать два возможных способа развития событий (поскольку структура идентичности остается крайне жесткой и инвариантной). Либо ценой фрустрации и длительной депрессии осуществляется ломка и смена матрицы идентичности, сопровождающаяся отказом от национальной определенности (по крайней мере, в нынешнем поколении). Либо быстро растут значения

* Подробнее см. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения 1994. № 1. С. 16.

функции "врага" (не важно, кто именно "враг", под эту функцию подбираются те или иные социально-мифологические представители). Иначе говоря, в сознании этого типа граждан "власть" и "враги" образуют коррелятивную пару. В отличие от западной демократии, где поражение на выборах одной партии не меняет всей политической системы, в России переходного периода падение доверия к власти, ее дискредитация сопровождается ростом представлений о том, что данная власть нелегитимна, что она "узурпирована", что в руководстве — "агенты влияния" чужих и враждебных сил. "Власть" в этом смысле — средство противодействия "врагам". Эрозия "власти" или изменение образа "врага" — взаимосвязанные процессы. "Внешний враг" соотносится со своей "властью", слабая "власть" становится "чужой" и зависимой от внутренних врагов или злокозненных сил. Сама "власть" меняет знак, ее поддержка сменяется более или менее определенным ее отрицанием, а вся картина реальности обретает относительную, пусть и негативную, определенность и устойчивость. Иными словами, функция "врага" обеспечивает поддержку "своей", "признанной" власти и, следовательно, чувство стабильности, уверенности, нормальности жизни.

Что это за среда, в которой растут подобные чувства? Среди тех, кто утверждает, что "Россию распродают", что "ей грозит утрата национальной самобытности" и т.п., респондентов, считающих, что "их материальное положение стало хуже", на 1/4, или 22 процентных пункта (п.п.) больше, чем в среднем; что "жизнь, которую они ведут, их не устраивает" — на 1/3 или 1/4, т.е. на 17—24 п.п. больше средних величин; что "реформы следует прекратить" — на 22 п.п. больше; что "тяжелые времена впереди" — на 32 п.п.; что "спасти страну могут только простые люди", что они "будут голосовать только за тех, кто защищает простых людей", "русский народ" — на 17—19 п.п. больше. Среди них, понятно, чаще можно встретить сторонников плановой экономики (на 16 п.п.), воссоздания СССР и жесткой силовой политики России по отношению к другим республикам (на 10 п.п.), людей, опасющихся вероятных вооруженных столкновений с другими республиками (на 16—17 п.п.), а также тех, кто считает, что "лучше бы все оставалось, как было до 1991 г." — на 16 п.п.

Таким образом, российское общество крайне неоднородно в отношении к проблемам национального развития. После недолгого и слабого подъема национальной мобилизации имело место разложение различных течений и сил, консолидированных вокруг национальных идей и символов. При этом отчетливо выделяются ретроориентированные и ностальгические по тональности консервативные группы старшего поколения, и новые, более молодые, среди которых, в свою очередь, можно выделить национал-популистов (с вполне осязаемым ядром русского нацизма), с одной стороны, и, с другой стороны, группу прозападно, либерально ориентированной молодежи, сравнительно разгруженной от традиций великой державы, имперского миссионерства, индифферентную к символике

национального прошлого, отказывающейся от необходимости жертвовать частными интересами ради величия и мощи государства.

Типологически можно выделить четыре разновидности отношения к национальным проблемам России:

А. Странники национально-идеологической утопии — идеи "Великой России" (ФНС, "Русский собор", "Память" и др.). Объем поддержки, оказываемой им в обществе, относительно невелик 1—2% максимум (хотя для организованного движения это было бы, конечно, очень много). Среда распространения — крупные города и столицы, люди со средним или высшим образованием, больше ИТР, гуманитариев, работников аппарата и органов.

Б. Носители либерально-прозападных ориентаций (нейтральные к собственно национальной тематике). Состав их примерно соответствует электорату Гайдара и Явлинского; среда — крупные города и столицы, среди них преобладают люди с высшим образованием, специалисты высокого класса, люди зрелого или молодого возраста, отличающиеся готовностью к реформам и переменам, полагающиеся в первую очередь на себя, а не на государство.

В. Советский (прокоммунистический) уходящий тип сознания с соответствующим набором политико-национальных аффектов и сантиментов — сопротивление реформам, ориентация на прежнюю систему плановой экономики, реставрация старых порядков. Его сфера распространения — пожилые или низкообразованные люди социальной и территориальной периферии (село, ПГТ, малые города).

Г. Наконец, совершенно новый, впервые вышедший на общественную сцену или, по крайней мере, до того никак не обнаруживавшийся средствами массовых опросов, ксенофобический, ущемленно-агрессивный популизм, соединяющий радикализм имперского сознания с русским изоляционизмом. Как правило, в большинстве своем люди, относимые к этому типу, — цветущего возраста (25-40 лет), жители средних и малых городов, в меньшей степени сельские жители, среди которых преобладают категории со средним уровнем образования и квалификации, хотя несколько больше людей со средним специальным образованием. Эта среда чрезвычайно остро, часто болезненно реагирует на процесс дифференциации образов жизни, распространение демонстративного характера потребления, резкие изменения социальной среды, имевшие место в последнее время. Эти люди соединяют в себе, с одной стороны, новые настроения и ценности, и потребительские ориентации, даже ориентации на богатство, на благополучие, а с другой — явное сознание невозможности, собственной неспособности достичь новых потребительских и жизненных стандартов. Иначе говоря, — сильнейшую амбициозность "полуобразованцев" и рутинную патерналистскую зависимость от власти, давние ожидания и настойчивые требования "отдай наше, обещанное". Хотя уровень благосостояния здесь не ниже, чем у других категорий, но сильнее недовольство вновь возникающим неравенством,

завистливый синдром, проекции собственных установок и вытесняемых мотивов недоброжелательства в отношении других групп, в том числе и этнических. Поэтому здесь, именно в этом типе сознания сталкиваются два совершенно разных типа запросов или настроений. С одной стороны, желание включиться в новые структуры, приобщиться к новым формам поведения, а с другой страх перед неудачей, заставляющий хвататься за старые модели идентификации. Нынешняя жизнь, которую ведут эти люди, их совершенно не устраивает. Поэтому среди них особенно много тех, кто считает, что государство должно обеспечивать гражданам известный уровень благосостояния, контролировать доходы, уменьшать различия между заработками и потреблением, т. е., что государство обязано вести сильную патерналистскую политику. Их надежды связаны не с новыми моделями социального устройства или порядка, а с новым лидером, сильным вождем.

Совершенно неважно, будет ли он русский или нет, мужчина или женщина, коммунист или нет, православный или атеист, не важно из какой среды, военный или кто-то другой. Важно, что он не включен в старые властные системы, что он "не из их колоды", что он декларирует защиту и превосходство русских, демонстрирует себя решительным и сильным политиком, т. е. готов компенсировать внутреннюю неуверенность и дезориентированность этого контингента. Именно этот контингент вместе с наименее образованными и малоквалифицированными слоями рабочих, низших категорий служащих, в наибольшей степени переживающих снижение жизненного уровня в ходе последних лет, голосовал за Жириновского.

Для этих контингентов все советское и большую часть перестроечного времени было характерно политическое неучастие, отказ от выражения своих мнений и взглядов (вполне возможно, что их просто не было как таковых). В выборах и референдумах последних лет они в большинстве случаев не принимали участия. Это была форма пассивного следования за другими. То, что они вышли на политическую сцену в декабрьских выборах, означает, что процесс социального возбуждения дошел до них в форме демонстративного пренебрежения всеми бывшими до того политическими силами и организациями. Иными словами, мобилизационный импульс, уже разрушившийся в самых активных группах, коснулся теперь наиболее косных слоев и вызвал внешне парадоксальную, но весьма характерную реакцию демонстративного и агрессивного этнократизма и ксенофобии. Вместе с тем мы можем говорить, что этот процесс имеет множество признаков адаптационного процесса, в ходе которого, пусть в таких малоприятных формах, усваиваются массовым сознанием резкие изменения в обществе. Это не политическая консолидация, не национальный подъем — время его давно прошло. Это специфическая реакция консервативного и посттоталитарного сознания на парадоксальный (и слишком медленный, и слишком быстрый) темп изменений, связанный с характером проводимых реформ.